

²⁴ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 26, л. 79.

²⁵ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 6.

²⁶ Там же, ф. 39617, оп. 1, д. 6, л. 4.

²⁷ Там же, д. 11, л. 8.

²⁸ Волков Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.

С. 99.

²⁹ Нуланс Ж. Указ. соч. С. 100.

© 2003 г. Е. В. ВЕРШИНИН*

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ПЕТР ИВАНОВИЧ БЕКЕТОВ

Имя Петра Бекетова стоит в ряду тех землепроходцев XVII в., которым Россия обязана присоединением огромных территорий Восточной Сибири. В научной литературе о русской колонизации Сибири П.И. Бекетов упоминается часто, и это создает впечатление, что его судьба и деятельность хорошо изучены. Между тем единственная специальная работа об этом первопроходце содержит ошибочные интерпретации и на современном этапе развития науки представляется устаревшей¹. На фоне усилившегося интереса сибиреведов к жанру биографического исследования личность П.И. Бекетова, безусловно, заслуживает пристального внимания². Но дело не только в систематизации и дополнении накопленных историками фактов. Бурная судьба покорителя «немирных земель» таит в себе загадки, на которые у исследователей до сих пор нет определенных ответов.

Нарушая общепринятую схему изложения биографий, начнем с обстоятельств смерти П.И. Бекетова, которые вроде бы хрестоматийно известны благодаря замечательному «Житию» протопопа Аввакума. Версия Аввакума, часто повторяемая историками, сводится к тому, что в начале марта 1655 г. Петр Бекетов, «сын боярский лутчей», проживал в Тобольске в своем дворе и был назначен в приставы к дьяку Тобольского архиепископского дома Ивану Струне. Последний, будучи посажен на цепь для «смирения» архиепископом Симеоном, бежал к гражданским воеводским властям и объявил «государево слово» как на Аввакума, так и на самого архиепископа. Именно поэтому воеводы не выдали его обратно Симеону, а назначили к нему пристава. Если верить Аввакуму, то 4 марта 1655 г. архиепископ предал Струну анафеме «в церкви большой». Эта процедура вызвала протест со стороны Бекетова, который в церкви бранил Симеона и Аввакума, после чего «взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле». Тело Бекетова якобы 3 дня лежало на улице и только потом было погребено сердобольными владыкой и протопопом³. Между тем известный енисейский землепроходец сын боярский Петр Бекетов в это время находился на Амуре в «войске» Онуфрия Степанова. С 13 марта по 4 апреля 1655 г. он «бился явственно» при защите осажденного маньчжурами Кумарского острога, о чем свидетельствуют сохранившиеся и заслуживающие доверия документы⁴. Рассказ Аввакума о смерти в Тобольске именно землепроходца Бекетова следует признать недостоверным. Однако какой-либо другой Петр Бекетов, служивший в 1650-е гг. в Сибири, на сегодняшний день исторической науке неизвестен.

Сомнения в истинности рассказа Аввакума о смерти Бекетова высказал А.К. Бороздин, отметивший, что в 1655 г. «мы находим какого-то боярского сына Петра Бекетова действующим на Амуре под начальством Афанасия Пашкова»⁵. В.К. Никольский, воз-

* Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ражая Бороздину, попытался разобраться в обстоятельствах этого дела. Он правильно указал, что в 1652 г. Бекетов был послан из Енисейска в Забайкалье и в 1654 г. ушел с реки Шилка и что воевода Пашков в 1655 г. находился еще в Енисейске. Но поскольку Никольский не знал, что Бекетов отправился не в Енисейск, а дальше на Амур, то его следующие построения о судьбе землепроходца (в соответствии с «Житием» Аввакума) оказываются неверными⁶. В.Г. Изгачев, автор статьи о Бекетове (местами весьма путаной), на сведения Аввакума не обратил внимания. Современный исследователь Д.Я. Резун в одной из своих работ, следуя за разрозненными источниками, утверждает, что Бекетов присутствовал в марте 1655 г. одновременно и на Амуре, и в Тобольске⁷. В энциклопедической статье о Бекетове ее авторы (Д.Я. Резун и В.И. Магидович), очевидно, заметили противоречия в источниках и попытались их разрушить, передвинув время смерти Бекетова в Тобольске на март 1656 г.⁸ Однако известно, что ссыльный протопоп был отправлен из Тобольска далее в Восточную Сибирь 29 июня 1655 г. Грамоту из Москвы о переводе Аввакума с семьей в Якутский острог тобольские власти получили 27 июня 1655 г. Если верить воеводе кн. В.И. Хилкову, то он выполнил указ в тот же день⁹. Аввакум в сопровождении красноярского сына боярского Милослава Кольцова отправился в Енисейск обычным водным путем по Иртышу, Оби и через Макавский волок на реке Кеть. Зиму 1655/56 г. Аввакум провел в Енисейске, куда пришел очередной указ из Москвы – отдать протопопу под начало бывшего енисейского воеводы А.Ф. Пашкова, который формировал в это время полк для похода в Забайкалье. Аввакум, между прочим, хорошо помнил, что из Тобольска в якутскую ссылку он отправился в Петров день (29 июня), а с воеводой Пашковым из Енисейска – «на другое лето»¹⁰. Пашков выступил из Енисейска 18 июля 1656 г.¹¹. Маловероятно, чтобы Аввакум с семьей одолел расстояние от Тобольска до Енисейска (при наличии тяжелого волокового пути) за 3 недели. Наконец, для практики воеводского управления было совершенно нехарактерно тянуть с исполнением такого рода указов целый год. Таким образом, этот фрагмент «Жития», даже если бы он был достоверен, не может относиться к 1656 г. Упорное доверие историков к рассказу Аввакума объясняется, очевидно, отсутствием каких-либо иных свидетельств об обстоятельствах смерти землепроходца.

О начале жизненного пути П.И. Бекетова, как и о его завершении, известно немного. В родословных схемах дворянского рода Бекетовых, составлявшихся, видимо, на основе семейных преданий при Екатерине II и Павле I, Петр Иванович не упоминается¹². Надо сказать, что Бекетовы в XVIII–XIX вв. вообще имели смутное представление о своем происхождении, тем более что в знаменитой Бархатной книге конца XVII в. они по каким-то причинам не были зафиксированы. Контуров генеалогии Бекетовых можно наметить, исходя прежде всего из документов XVI и XVII столетий. В 1641 г. сам Петр Бекетов в челобитной указывал: «А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу по дворовому и по выбору»¹³. Таким образом, старшие родственники Петра Ивановича числились в списках «дворовых» и «выборных» детей боярских своих уездов. В тогдашней иерархии чинов-званий служилых людей «по отчеству» ниже их были городовые дети боярские, выше – жильцы и дворяне московские. Достоверность показаний Петра Ивановича о родственных связях подтверждается сохранившейся жалованной грамотой (от 30 августа 1669 г.) «тверитину» Богдану Бекетову: за боевые заслуги во время войны с Польшей часть поместных земель Богдана была пожалована ему в вотчину¹⁴. В нескольких актах за 1510–1541 гг. отмечены дмитровский землевладелец Константин Васильевич Бекетов и его сын Андрей¹⁵. Представляется, что Бекетовых в XVI в. и следует искать среди тверских и дмитровских детей боярских. В Арзамас кто-то из представителей данной фамилии мог быть переведен после основания этого города в 1578 г.

Итак, есть основания считать, что ближайшие предки П.И. Бекетова принадлежали к слою провинциальных детей боярских. Мы не знаем, когда и где будущий землепроходец начал свою карьеру служилого человека. В уже упоминавшейся челобитной 1641 г. срок службы в Сибири он исчислял в 17 лет. Эта цифра является, возможно, пло-

дом чьей-то ошибки, поскольку в двух очень важных для него челобитных 1651 г. Бекетов уверенно говорит о своей службе только в Енисейске и только с 7135 (1626/27) г.¹⁶. Что побудило потомственного сына боярского связать свою судьбу с Сибирью, нам пока неизвестно, но в январе 1627 г. Бекетов лично подал в приказ Казанского дворца челобитную с просьбой о назначении его стрелецким сотником в далекий Енисейский острог: «Чтоб я, холоп твой, волочась меж двор, голодною смертию не умер». О месте сотника Бекетов хлопотал не наугад, а зная о появившейся вакансии. Осенью 1625 г. в Оби утонул занимавший эту должность атаман Поздей Фирсов. Енисейский гарнизон подал воеводе челобитную, в которой просил назначить сотником местного подьячего Максима Перфильева, уже проявившего себя в походах на «немирные земли». Воевода А.Л. Ошанин согласился с выбором енисейских стрельцов и отослал их челобитную на рассмотрение в Москву. В столице, однако, предпочтение отдали Петру Бекетову. Благоприятно для него решение способствовал, надо полагать, чин сына боярского, более почетный, чем должность подьячего (Перфильев, впрочем, получил должность енисейского атамана). В связи с назначением Бекетова сотником в сибирский гарнизон, состоявший во многом из людей своевольных и ссыльных, представляется невероятной указываемая в литературе приблизительная дата его рождения – 1610 г. Ее следует отнести, по крайней мере, к концу XVI в. В январе 1627 г. воеводам Тобольска (единственного тогда разрядного центра в «сибирской уkraine») было указано поверстать Бекетова денежным и хлебным жалованьем и отправить в Енисейск¹⁷.

Основанный в 1619 г. Енисейский острог был в то время форпостом русской колонизации, откуда небольшие отряды служилых людей упорно продвигались по Ангаре, приводя в русское подданство многочисленные, но рассеянные роды эвенков и бурят. В 1628 г. енисейский гарнизон состоял из сотника Бекетова, атамана Перфильева и 105 стрельцов, но уже в 1631 г. увеличился в 3 раза. К концу 1630-х гг. число служилых Енисейска достигло 370 человек, однако в связи с учреждением Ленского (Якутского) воеводства, возникновением Илимска и братских острогов их количество сократилось к 1650-м гг. до 250 человек¹⁸. Весной 1628 г. Бекетов отправился в свой первый поход во главе отряда из 30 служилых и 60 «промышленных» людей. Целью похода было усмирение нижнеангарских тунгусов (эвенков), которые в 1627 г. напали на возвращавшийся от устья Илима отряд М. Перфильева; атаман отбил, но отряд понес потери. Бекетов имел указание от воеводы не начинать военных действий, а воздействовать на тунгусов уговорами и «ласкою». С этой задачей Петр Иванович успешно справился, а его отряд построил в низовьях Ангары Рыбинский острожек. В Енисейск Бекетов вернулся с тунгусскими аманатами и собранным ясаком¹⁹.

Отдых в Енисейске оказался кратким, поскольку осенью 1628 г. Бекетов был снова отправлен вверх по Ангаре, имея в подчинении всего 19 служилых людей. Выступление в поход осенью (обычно это делалось весной) указывает на спешный и экстраординарный характер экспедиции. Дело в том, что летом 1628 г. к Енисейску по Оби приближался отряд Я.И. Хрипунова, который после зимовки в Енисейске должен был отправиться на Ангару для поисков месторождений серебра. Многочисленный отряд Хрипунова (150 человек) мог оказаться серьезным конкурентом в деле разведки и объясачивания новых «землиц». В.А. Аргамаков подозревал (впоследствии его подозрения оправдались), что не подчинявшийся ему «полк» Хрипунова может дезорганизовать с большим трудом устанавливаемую систему сбора ясак с народов Приангарья. Летом 1628 г. через Енисейск к Братскому порогу проследовал М. Воейков с 12 казаками – разведывательный отряд, высланный Хрипуновым²⁰. Вслед за ним к большим ангарским порогам спешно выступил Бекетов.

Во время этого похода именно Бекетову довелось впервые представлять русскую власть перед предками современных бурят. Собирая по пути ясак с тунгусов, отряд Бекетова преодолел ангарские пороги и достиг устья реки Оки. Здесь в первый раз с нескольких «братских» князцов был собран ясак (хотя и скромный по размерам). Позднее Петр Иванович вспоминал, что он «ходил ис Братцкого порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке и по Ангаре реке и до усть Уды реки... и братцких людей под твою го-

судареву высокую руку привел», при этом 7 недель, «ходя в Братцкой земле, терпели голод – ели траву и корень». В Прибайкалье и Забайкалье есть несколько рек с одинаковым названием Уда. В данном случае речь идет об Уде, впадающей справа в Ангару в районе современных поселков Усть-Уда и Балаганск. Впоследствии Бекетов не без гордости подчеркивал: «А преж, государь, меня в тех местех никакой русской человек не бывал». Не известно точно, где зимовал Бекетов со своими казаками; видимо, где-то возле Братского порога или в устье Илима. В январе 1629 г. Аргамаков отправил Бекетову небольшое подкрепление во главе с В. Сумароковым. Последний вез сотнику предписание о срочной постройке нового острога, «чтобы Яков Хрипунов Илима реки не отнял и ясаку по Илимуду збирать не послал». Но Бекетов не стал заставлять уставших казаков возводить острог и весной-летом 1629 г. вернулся в Енисейск, сдав в казну 689 соболиных шкур²¹.

Русские первопроходцы открыли в Восточной Сибири бескрайние земли, населенные неведомыми народами. Десятник Василий Бугор и атаман Иван Галкин с помощью тунгусов находят волоковые пути с Илима на верховья Лены. В 1630 г. Бекетов «отдыхает» в Енисейске, а отряды И. Галкина и М. Перфильева отправляются на Лену и по Ангаре до устья Оки. В самом Енисейске в эти годы часто оставалось не более 10 казаков. До нас дошла челобитная енисейских стрельцов от 26 июля 1630 г. (первый в списке – Петр Бекетов), в которой они не без оснований указали, что «таких нужных (тяжелых. – *Е.В.*) и жестоких служб, что в Енисейском остроге, и во всей Сибири нет», и просили увеличить их денежное и хлебное жалованье, приравняв его к жалованью сибирских конных казаков²².

Усилиями в основном енисейских служилых людей в 1630-е гг. происходит присоединение земель центральной Якутии. Достигший в 1631 г. бассейна Средней Лены Иван Галкин не мог сдержать удивления: «Места людные и земли широкие и конца им неведомо...» На смену Галкину 30 мая 1631 г. из Енисейска выступил Бекетов с отрядом в 30 человек. Он был послан на «дальнюю службу на Лену реку на один год», однако поход продолжался 2 года и 3 месяца. За это время в полной мере проявились военные и дипломатические таланты Бекетова, сочетавшиеся с личным умением владеть саблей. Петр Иванович ни в чем не хотел уступать сослуживцу-сопернику атаману Галкину, известному своей отчаянной храбростью. В сентябре 1631 г. Бекетов, взяв с собой 20 казаков, отправился от Илимского волока вверх по Лене. Отряд осмелился отойти от реки и направился к улусам бурятов-эхэритов. Однако бурятские князцы отказались платить ясак далекому царю, заявив через находившихся с Бекетовым четырех тунгусов, что они сами собирают ясак «со многих землиц». Маленький отряд успел построить какую-то «крепь» и на 3 дня сел в осаду. К укреплению прибыли 60 человек во главе с князцами Бокоем и Борочеем, которые пошли на военную хитрость. Они стали «прошатца в крепь», якобы для сдачи ясака. Однако, проникнув в укрепление и тайно пронеся с собой сабли, бурятские вожди бросили казакам всего 5 «недособолишек» и высокомерно заявили: «Вас к себе в холопи розберем, ис свой земли вас не выпустим». Поскольку енисейцы стояли «наготове с ружьем», то бой, видимо, начался с единственно возможного залпа и продолжился рукопашной схваткой. Натиск попавших в отчаянное положение казаков был стремительным. Впоследствии с разных отписках Бекетов докладывал, что буряты потеряли от 40 до 56 человек (вероятно, это преувеличение). В бою погибли 2 тунгуса и был ранен один казак. Пользуясь замешательством противника, служилые люди захватили бурятских лошадей и сутки добирались до устья реки Тутуры. Здесь Бекетов поставил небольшой острог, ожидая дальнейших действий со стороны эхэритов. Последние, услышав про острог, предпочли откочевать к Байкалу, но платившие им прежде дань тунгусы-налягиры «государские высокие руки устрашились» и принесли Бекетову ясак²³.

В апреле 1632 г. Бекетов получил от нового енисейского воеводы Ж.В. Кондырева подкрепление из 14 казаков и указ идти вниз по Лене. Якутская эпопея отряда Бекетова заслуживает отдельного рассмотрения. Сохранились подробнейшее описание этого похода, исходящее от самого Петра Ивановича. Укажу на основные итоги пребывания

Бекетова в Якутии. Лето 1632 г. прошло в активном объяснении якутских тойнов Средней Лены. Некоторые из них принимали подданство, не рискуя вступать в бой; другие оказывали сопротивление. Удача сопутствовала казакам Бекетова – «Божьей милостью и государским счастьем» из военных столкновений с якутами они выходили победителями. В сентябре 1632 г. Бекетов построил первый в Якутии государев острог (на правом берегу Лены, ниже Якутска на 70 км), перенесенный в 1634 г. И. Галкиным на новое место. В общей сложности 31 тойон-князец признал в результате действий отряда Бекетова русскую власть. Помимо сбора ясака Бекетов занялся в Якутии взиманием десятой пошрины с соболиных промыслов частных промышленников и казаков. Разбирал он и возникавшие между ними споры, а пошлину «с судных дел» (96 соболей) честно сдал в енисейскую казну. В июне 1633 г. Бекетов передал Ленский острожек прибывшему ему на смену сыну боярскому П. Ходыреву, оставил в Якутии на разных службах 23 казака, а с остальными 6 сентября был уже в Енисейске. Одним из итогов длительного похода стрелецкого сотника по землям тунгусов и якутов являлась сдача в казну 2471 соболя и 25 собольих шуб²⁴.

К 1635–1636 гг. относится новая служба Бекетова. В эти годы он ставит Олекминский острог, совершает походы по Витиму, Большому Патому и «иным сторонним речкам» и возвращается почти с 20 сороками соболей²⁵. Пребывание в Енисейске, где у Петра Ивановича жила семья, снова оказывается недолгим. По установившейся, видимо, очередности весной 1638 г. он отправляется на годовую службу в Ленский острог на смену И. Галкину. Интересно отметить, что к этому времени Бекетов уже лишился чина сотника и числился просто енисейским сыном боярским. За отсутствием источников оценить данное изменение в служебной карьере Бекетова трудно. На Средней Лене Бекетов застал тревожную обстановку. Несколько местных тойонов от «государевой руки» отложились, напали на русских людей и ясачных якутов. Более того, незадолго до прибытия Бекетова якуты «приступом приходили» под Ленский острог. Инициатором «шатости» являлся князец Нюриктейской волости Кириной, ушедший со своим родом с Лены на Алдан. Именно поэтому Галкин и Бекетов, объединив свои отряды, совершили поход на Кириной. Рассматривать это событие как своевольный казачий «поход за зипунами» неверно²⁶. Князец Кириной был приведен в русское подданство Бекетовым еще в 1632 г. Его «погром» в 1638 г. с захватом 500 коров и 300 кобыл носил, конечно, характер неблагоприятной карательной акции, но с точки зрения центральной власти был вполне законным. Приказчиком в Ленском остроге Бекетов пробыл год, собрав за это время ясак в 2250 соболей и 456 лисиц. Кроме того, он купил для казны 794 соболя и 135 лисиц, истратив всего 111 руб. (в Енисейске эта пушнина была оценена в 1247 руб.)²⁷. Самые дорогие шкурки соболя, привезенные Бекетовым, стоили по 8 руб. за штуку.

В 1640 г. Бекетов был послан с енисейской соболиной казной в Москву. Сибирские служилые люди, как правило, не упускали возможности, будучи в столице, лично хлопотать о своих нуждах и карьере. В начале 1641 г. Бекетов подал в Сибирский приказ 2 челобитные²⁸. Из первой выясняется, что в Енисейске у Бекетова была жена, дети и «людишки» (т.е. холопы). В отсутствие землепроходца воеводы брали из его двора лошадей для выполнения подводной повинности, которые гибли на Илимском волоке. Петр Иванович просил избавить его двор от «волоковой возки», а также от постоя служилых людей, следовавших в Восточную Сибирь. В другой челобитной Бекетов сжато изложил все свои сибирские походы и просил о назначении его казачьим головой на место Б. Болкошина, который «стар и увечен, такой твоей государевой дальней службы служить не может»²⁹. Должность головы в Енисейске появилась, очевидно, в связи с увеличением числа служилых людей в 1630-е гг. В Сибирском приказе составили подробную справку, подтверждающую правдивость челобитчика. Приказные дельцы скрупулезно подсчитали, что походы Бекетова принесли государству прибыль в 11 540 руб. Просьба Бекетова была удовлетворена, и 13 февраля он получил память о назначении его головой енисейских пеших казаков. Ранее жалование землепроходца составляло

10 руб., 6 четей ржи и 4 чети овса. Новый оклад равнялся 20 руб., но вместо хлебного жалованья Бекетов должен был получить землю под пашню³⁰.

1640-е гг., были, наверное, самыми спокойными в жизни Бекетова. Поскольку в Якутии было образовано свое воеводство с большим гарнизоном, то внимание енисейцев переключилось на Байкал. Атаман Василий Колесников, бывший в 1632 г. рядовым казаком в отряде Бекетова, вышел к северным берегам Байкала и основал в 1647 г. Верхнеангарский острог. Земли Забайкалья активно «проведывали» Иван Галкин и Иван Похабов. Если судить по известным источникам, Бекетов в этих экспедициях участия не принимал. Однако должность казачьего головы отнюдь не являлась sinecurой. Бекетов должен был следить за комплектованием гарнизона и состоянием вооружения, устанавливая очередность служебных посылок, разбирать драки и мелкие иски между казаками, пресекать в служилой среде незаконную торговлю вином и азартные игры. Другими словами, казачий голова в Енисейские являлся первым помощником воеводы в делах военных.

Занимался Петр Иванович и своим хозяйством. Известно, что в 1637 г. он имел 18 десятин пашни и 15 перелога. Обрабатывали пашню, скорее всего, наемные крестьяне. Какую-то часть своих земель (видимо, полученных после 1641 г. в зачет хлебного жалованья) Бекетов продал крестьянам С. Костыльникову и П. Бурмакину³¹. Сохранилось 2 коллективных челобитных енисейцев от 1646 г., подписанных Петром Бекетовым. В первой речь шла о созданном по мирской инициативе Спасском монастыре, который для части состарившихся служилых людей выполнял роль богадельни. Челобитчики просили обеспечить монастырь средствами на приобретение «всякого церковною строения». Во втором случае енисейские казаки просили отменить запрет на торговлю ясырем (т.е. холопами из аборигенных народов, захваченными или незаконно купленными служилыми людьми). На обе просьбы Москва не отреагировала³². В июле 1647 г. Бекетов получил присланную на его имя из Москвы грамоту с необычным предписанием. Ему указывалось посадить на 3 дня в тюрьму воеводу Федора Уварова, который провинился тем, что свои отписки к разрядным воеводам Томска писал «непристойной речью». Если верить донесению Бекетова, то он добросовестно выполнил этот указ, ставивший его в двусмысленное положение³³.

Вскоре, однако, в карьере Бекетова произошли неприятные перемены. В 1648 г. он был «головства отставлен без вины неведомо почему», причем, по словам Петра Ивановича, «переменен без челобитья». Не совсем ясно, какое челобитье здесь имеется в виду: самого Бекетова или претендента на его место. Кроме того, бывший голова мог подразумевать челобитную енисейских казаков с возможными жалобами на него. Последнее представляется маловероятным. За время долгой службы Бекетова в Сибири нам не известна ни одна жалоба или извет на него (в отличие, например, от Ерофея Хабарова, Ивана Похабова и многих др.). Может быть, к отставке Бекетова приложил руку бывший воевода Уваров, сменивший к концу 1647 г. Ф.И. Полибиным. Последнего подозревать в интриге против Бекетова не приходится, поскольку в 1650 г. он спокойно отправил Петра Ивановича с отписками в Москву. Как бы то ни было, Бекетов вновь вернулся к чину сына боярского с понижением денежного жалованья до 10 руб. Этот факт, несомненно, явился причиной его поездки в столицу, куда он прибыл 1 января 1651 г. В Сибирский приказ стареющий землепроходец подал 2 челобитные, несколько различавшиеся по содержанию. В одной он просил восстановить его в должности головы, а другой – назначить ему прежнее жалованье. В 1649–1650 гг. он успел побывать на годовой службе в Братском остроге, поэтому к своим челобитным приложил письмо о перспективах развития земледелия в Прибайкалье. Времена менялись – вместо лихорадочного сбора ясака с «новоприисканных земель» пришла пора думать о прочном хозяйственном освоении края. Московские бюрократы в очередной раз составили справку о службах Бекетова и ощутили, видимо, некоторое неудобство от допущенной в отношении него несправедливости. Петру Ивановичу выдали «сукно английское доброе», назначили оклад в 20 руб. и 5 пуд. соли, «а за наше хлебное жалованье велено ему служить с пашни». Кроме Бекетова, оклад в 20 руб. в енисейском гарнизоне имел

только достигший звания сына боярского Иван Галкин. Должность головы Бекетову, однако, не вернули, и он отправился в Енисейск, где сидел уже новый воевода – Афанасий Филиппович Пашков³⁴.

Зиму 1651–1652 г. Бекетов провел дома, а весной стал готовиться к длительному походу. Воевода Пашков, как и многие его сибирские коллеги, желал отличиться перед центральной властью, занеся в свой послужной список присоединение и объясачивание новых территорий. Приказчик Баргузинского острога В. Колесников подсказал Пашкову мысль об основании нового острога возле озера Иргень. Прибывшие от Колесникова казаки – Яков Софонов, Иван Чебычаков, Максим Уразов, Кирилл Емельянов, Матвей Сауров – были тщательно опрошены Пашковым о путях на Иргень и реку Шилку, поскольку они уже бывали там. По словам казаков выходило, что до озера Иргень и реки Нерчи, впадающей в Шилку, можно было добраться из Енисейска за одно лето. У Пашкова окончательно созрел замысел организации экспедиции, которая должна была основать в указанных местах 2 острога. В апреле 1652 г. Пашков информировал томского воеводу, что собирается послать в Забайкалье 100 человек. Во главе экспедиции, в задачи которой входила и разведка месторождений серебра, был поставлен Бекетов. Наряду с казаками в отряд вошли «охочие промышленные люди». Под началом Бекетова оказались пятидесятники Иван Максимов, Дружина Попов, Иван Котельников и Максим Уразов. Среди десятников специально отметим Ивана Герасимова сына Чебычакова. В начале июня 1652 г. енисейский сын боярский Петр Бекетов выступил в свой последний поход³⁵.

Отряд Бекетова насчитывал около 130–140 человек; значит, экспедиция отправилась вверх по Ангаре на 7–8 дощаниках. Несмотря на то, что казаки шли «спешно добре», Братского острога они достигли только через 2 месяца. Бекетову стало ясно, что за лето дойти до конечной цели отряду не удастся, и он решил зимовать на южном берегу Байкала. Однако еще из Братского острога он отправил 12 казаков во главе с И. Максимовым «налегке через Баргузинский острог на Иргень-озеро и на великую реку Шилку». С Максимовым шли уже бывавшие на Иргене Софонов и Чебычаков. Расчет Петра Ивановича был вполне понятен. Имея указание Пашкова идти на Селенге и Хилоку (в источниках XVII в. – река Килка), Бекетов не имел в отряде никого, кто бы знал этот водный маршрут. Максимов должен был через забайкальские степи выйти к озеру Иргень, где находились верховья Хилока, и по этой реке спуститься навстречу Бекетову.

Основной отряд Бекетова, пройдя левый приток Ангары Осу, подвергся ночью нападению «братских воровских неясачных мужиков», кочевавших «на край Байкал озера». Казаки с боем отошли, в то время как буряты «похвалялись» не пропустить служилых за Байкал. Следуя живучим в Сибири XVII в. традициям казачьего самоуправления, Бекетов «поговорил» со служилыми людьми, «чтоб над теми братцкими неясачными мужики учинить ему поиск». Ответная акция, проведенная И. Котельниковым, оказалась успешной. Казаки напали на «станы» бурят, убили в бою 12 человек, захватили несколько пленных, а сами «ис той посылки пришли все здоровы». Среди пленных обнаружилась жена верхоленского ясачного князя Торума (не вовремя приехавшая в гости), по поводу которой между Пашковым и илимским воеводой Оладьиным возникла переписка. Пашков оправдал действия Бекетова, тем более что тот вернул женщину в Верхоленский острог.

Бекетов переправился через Байкал и остановился на зимовку в устье Прорвы. Для идентификации этой реки с современными географическими названиями следует обратиться к фольклорным источникам. Среди старожилов Забайкалья сохранилось историческое предание о некоем царском после Ерофее, который был убит возле Прорвы. Предание говорит, что именно здесь позднее возникла деревня, которая ныне является селом Посольским³⁶. В основе данного предания лежит совершенно достоверное историческое событие. В 1650 г. около Байкала буряты перебили посольство тобольского сына боярского Ерофея Заболоцкого, направлявшегося к одному из прави-

телей Северной Монголии³⁷. Таким образом, Бекетов зимовал в районе нынешнего села Посольского, расположенного на Большой Речке (историческая р. Прорва).

В апреле 1653 г. он отправил в забайкальские степи трех казаков, знавших тунгусский, бурятский и монгольский языки. Казаки должны были призвать в русское подданство все окрестные роды и племена, а также объявить, что Бекетов идет «не с войною и не с боем», а выполняет посольскую миссию. Бекетов приказал казакам распространять ложную информацию о том, что его отряд состоит из 300 человек. Многочисленность «посольства» казаки без стеснения должны были мотивировать тем, что «иноземцы братские и тунгусские люди малоумны, глупы, как видят государевых людей мало, и они побивают государевых служилых людей...» В конечном итоге разведчики Бекетова вышли к юртам монгольского царевича Кунтуцина и были хорошо им приняты. При царевиче находился лама Тархан, ездивший в 1619–1620 гг. в Москву и знавший о масштабах того государства, которое представляли три явившихся пешком казака. Разумеется, Кунтуцин отказался передать своих бурятских и тунгусских киштымов в русское подданство, но отпустил служилых людей с миром.

После возвращения разведки Бекетов 11 июня 1653 г. выступил из зимовья на Прорву. За половину дня отряд по Байкалу достиг устья Селенги и поднимался по ней 8 суток. Возле устья Хилока Бекетов остановился, надеясь на прибытие Максимова, который действительно 2 июля приплыл сверху Хилока с ослабевшими от голода людьми. Тем не менее Максимов привез 6 сороков соболей и чертеж новых земель. С устья Хилока Бекетов отправил в Енисейск 35 служилых во главе с Максимовым. На Ангаре они снова подверглись нападению бурят. Максимов отбилсЯ и сохранил соболиную казну, хотя во время боя 2 казака было убито и 7 ранено. Путь по течению рек казаки проделали быстро и уже 22 августа предстали перед Пашковым. Последний отправил Максимова в Москву, куда енисейский пятидесятник прибыл 10 января 1654 г. Невероятная мобильность сибирских казаков XVII в. способна вызывать только удивление.

Тем временем эпопея отряда Бекетова продолжалась. Для мелководного Хилока дощаники имели слишком глубокую осадку, поэтому 3 недели ушло на их переделку в плоскодонные суда. Плавание против течения по Хилоку оказалось трудным, и к месту назначения экспедиция подошла только в конце сентября 1653 г. К середине октября был поставлен Иргенский острог, а 19 октября казаки на плотках начали спускаться по Ингоде. Бекетов, очевидно, рассчитывал до зимы добраться до устья Нерчи. Однако, проплыв по Ингоде около 10 верст, отряд был встречен ранним ледоставом реки. Здесь наскоро возвели зимовье с укреплениями, куда сложили часть запасов. В зимовье осталось 20 человек, еще 10 казаков под командой М. Уразова были отправлены к устью Нерчи, а с остальными Бекетов вернулся в Иргенский острог. В конце 1653 г. Уразов построил недалеко от устья Нерчи, на правом берегу Шилки, «малый острожек», о чем доложил Бекетову. Последний изложил это в отписке Пашкову, заверив воеводу, что весной 1654 г. он поставит на выбранном Уразовым месте большой острог³⁸.

За время зимовки Бекетов не терял времени – собирал ясак с местных тунгусов и десятую пошлину с промыслов бывших с ним людей. Занимался он, видимо, и поисками серебра. Любопытно, что фольклорное предание, записанное в середине XX в., именно Бекетову приписывало открытие нерчинских месторождений («про то, как он на Амур прошел, тут теперь никто не помнит, а про то, как он на Нерче серебро открыл, все знают»³⁹). Соболиную казну и отписки 9 мая 1654 г. Петр Иванович отправил в Енисейск с отрядом из 31 казака. Среди них были пятидесятники Д. Попов, М. Уразов и все десятники, за исключением Ивана Чебычакова. Этот факт требует объяснения. В общей сложности Бекетов отослал в Енисейск 65 казаков и среди них – наиболее опытных. Думается, причин для такого решения было несколько. Соболиная казна – важный критерий службы землепроходца – должна была дойти до Енисейска в целости. Жалованье казакам Пашков перед походом выдал на 2 года; надо думать, что многие из них уже поговаривали о возвращении в Енисейск. Очевидно, Петр Иванович не принадлежал к числу тех командиров, для которых мнение подчиненных ничего не значило. С Бекетовым остались в основном «казачьи наемщики» и «охочие служилые лю-

ди», т.е. лица, не входившие в состав енисейского гарнизона. Предусмотрительность опытного землепроходца оправдала себя. Во время плавания по Хилоку на Уразова и его товарищей напали «братские немирные мужики улусные люди Турукая Табуна». Бой длился весь день, но в конечном итоге отряд сохранил себя и соболиную казну. Домой енисейцы прибыли 12 июня и сдали воеводе пушнины на 3728 руб.

А Бекетов был уже на Шилке, где собирался возвести, в соответствии с приказом Пашкова, большой острог. О намерениях Петра Ивановича свидетельствует тот факт, что казаки даже посеяли на выбранном месте яровой хлеб. Однако возведение русских укреплений и зимний сбор ясака заставили тунгусские племена взяться за оружие. Казаки так и не успели построить острог, когда «приехали изгоном войной многие тунгусские люди». Русский отряд сел в осаду (видимо, в острожке, построенном Уразовым). Тунгусы отогнали лошадей и вытоптали хлеб. Среди казаков начался голод, поскольку рыбной ловлей тунгусы заниматься не давали. В противниках Бекетов узнал тех, кто еще недавно приносил ему ясак⁴⁰. Ни речных судов, ни лошадей у енисейцев не было. У них оказался единственный путь к отступлению – на плотах, вниз по Шилке на Амур. Оставил ли Бекетов перед уходом на Шилку какую-то часть отряда в Иргенском остроге? Я не располагаю такими сведениями, но А.П. Васильев указывает (без ссылки на источник), что Бекетов оставил там 18 казаков⁴¹.

На Амуре в это время самой серьезной русской силой являлось «войско» приказного человека Онуфрия Степанова, официального преемника Е.П. Хабарова⁴². К нему амурское течение и принесло казаков Бекетова. Возможно, что в отряде енисейского землепроходца уже на Нерчи произошел раскол, и часть служилых от него откололась. По крайней мере, к Степанову казаки Бекетова прибыли разными группами. В 1650-е гг. русское население Восточной Сибири было охвачено «даурской лихорадкой»; на Амур шли не только партии вольных промышленников, но и отряды служилых людей, обеспечивавшие из своих гарнизонов. Можно допустить, что Бекетов в сложившихся обстоятельствах и в связи с угрозой голодной смерти уже не мог сдержать людей, насыщенных о благодатной даурской «землице». В конце июня 1654 г. к Степанову присоединились 34 енисейца, а через несколько дней появился и сам Петр Бекетов, который всему казачьему войску «бил челом, чтоб ему жить на великой реке Амуре до государева указу». Всех «бекетовцев» (63 человека) приняли в сборное амурское войско⁴³. Потомственный сын боярский и бывший голова енисейского гарнизона без амбиций подчинился Степанову, который еще недавно был только пушкарем с чином есаула. За этим и другими скудными свидетельствами проглядывает характер Бекетова – человека уравновешенного и даже мягкого. Но стальной стержень этого характера вне сомнений.

Почему сам Бекетов остался на Амуре в войске Степанова? Об этом можно высказать только относительно достоверные предположения. Обстоятельства не позволили землепроходцу выполнить задание Пашкова полностью и возвести острог при устье Нерчи. Гарнизон Иргенского острога оказался предоставлен сам себе. При таких обстоятельствах Бекетову, видимо, не хотелось возвращаться к Пашкову, который мог поставить крест на его дальнейшей службе. На Амуре же разгоралась война с маньчжурами, в ходе которой можно было отличиться и загладить невольный проступок. Характерная деталь – присоединившись к Степанову, Бекетов сдал ему 10 соболей, собранных им уже во время плавания по Амуру. Впрочем, не все в жизни измеряется эгоистичными и карьерными интересами. Как знать, не поманили ли стареющего землепроходца новые неведомые земли, где не было ни спесивых воевод, ни московских приказных дельцов, взирающих на Сибирь как на большой сундук с «мягкой рухлядью»?

Судьба Бекетова на Амуре прослеживается лишь до определенного момента. Осенью 1654 г. войско Степанова, в котором насчитывалось чуть более 500 человек, построило Кумарский острог (при впадении в Амур р. Хумархэ). 13 марта 1655 г. острог был осажден 10-тысячным войском маньчжуров. Казаки выдержали многодневную бомбардировку острога, отбили все приступы и сами совершили вылазку. Потерпев неудачу, маньчжурское войско 3 апреля ушло от острога. Сразу после этого Степанов составил послужной именной список казаков, которые «бились явственно». Этот список

подтверждает мое предположение о расколе отряда Бекетова, поскольку 30 казаков, бывших на Шилке у него в подчинении, записаны здесь отдельно. Верными Бекетову остались 27 человек, из них 12 были «охочими служилыми людьми». Поэтому, видимо, последние отсутствуют в челобитной, которую составил Бекетов от имени енисейских служилых людей и присоединил к отпискам Степанова. Помимо самого Петра Ивановича челобитную подписали десятник Иван Герасимов Чебычаков и 14 рядовых казаков. В этом документе Бекетов кратко изложил причины ухода с Шилки и просил пожаловать за службу, проявленную при защите Кумарского острога⁴⁴. Смысл челобитной ясен – довести до сведения официальных властей тот факт, что он со своими людьми продолжает находиться на государственной службе. Данный документ, датированный апрелем 1655 г., является пока что последним достоверным известием о Бекетове. Тем не менее ясно, что закончить свой жизненный путь в марте этого года в Тобольске Петр Иванович никак не мог.

Получив в июне 1654 г. отписки Бекетова, Пашков имел все основания считать, что тот успешно выполнил свою задачу. В соответствии с обычной практикой воевода отправил ему на смену новых годовальщиков во главе с сыном боярским Никифором Кольцовым. Отряд насчитывал около 40 служилых людей и 2 ссыльных крестьян, которых следовало «посадить» на пашню. Следуя примеру Бекетова, Кольцов зимовал на Прорве и в Иргенский острог прибыл к осени 1655 г. Судя по всему, Кольцов поставил новый острожек на Шилке, который располагался выше устья Нерчи. По неизвестным причинам Кольцов не стал дожидаться очередной смены. В начале весны 1656 г. он отпустил 20 человек в Енисейск (это были, скорее всего, те «бекетовцы», что оставались в Иргенском остроге). Затем 30 марта в обратный путь двинулся и сам Кольцов с 10 казаками, оставив на Иргене и Шилке только 26 человек⁴⁵. В зимовье на Прорве Кольцов встретил В. Колесникова, посланного в 1655 г. ему на смену и для возведения острога в устье Хилока. Здесь приказные стали свидетелями бунта, который подняли 53 казака во главе с Филькой Полетаем. Последние забрали у Колесникова оружие и все запасы, «а говорили промеж себя, будто хотят бежать в Дауры». Летом бунтовщики ушли вверх по Селенге. Экспедиция Колесникова везла с собой «пашенный завод» (семенной хлеб, серпы, косы, сошники), который пришлось под небольшой охраной оставить на Прорве. Кольцов и Колесников с 18 служилыми отправились в Енисейск. Бунт и бегство со службы казаков Колесникова, таким образом, сорвали планы Пашкова по прочному военному закреплению в Забайкалье и заведению там земледелия.

Брошенные на произвол судьбы, казаки Кольцова не ушли из Иргенского и Шилкского острожков. В первом находились 9 служилых, во втором – 14 во главе с десятником Калиной Полтининым. В середине сентября 1656 г. мимо Шилкского острожка проследовали «воровские» казаки Ф. Полетая, которые хотели присоединить к себе небольшой гарнизон. Полтинин с товарищами «у них, воров, слезами отплакались». Полетай ограничился конфискацией барабана и нового струга; кроме того, 4 казака Полтинина добровольно присоединились к бунтовщикам. Плывая по Шилке, беглые казаки «погромили» людей эвенкийского кн. Гантимура, захватив пленных и скот. Расплачиваться за это пришлось служилым людям, сидевшим в острожках. 10 октября тунгусы во главе с шаманом Зягарой захватили и сожгли Иргенский острог. Спасти удалось только Петру Новгородцу и Никите Ситнику, которые, будучи ранены, добрались до Ингоды и на плоту спустились к Шилкскому острожку. Ночью 18 декабря острожек покинули 7 казаков, посланные Полтининым к Пашкову с отпиской. В отписке говорилось, что на Шилке остается 6 человек – Калина Полтинин, Гришка Антонов, Гришка Федоров, Петрушка и Оська Харитоновы, Микитка Трофимов, – которые сидят в осаде и питаются «сосною, травой и кореньем». Тем не менее служилые люди надеялись продержаться до весны и только затем, при отсутствии помощи, покинуть укрепление. Но еще до наступления весны острожек был взят тунгусами, и все его защитники погибли⁴⁶. Посланные Полтининым казаки благополучно избежали опасностей и 10 мая 1657 г. вручили отписку Пашкову, который, теперь уже в качестве будущего да-

урского воеводы, зимовал со своим «полком» в Братском остроге (Енисейск Пашков сдал новому воеводе 18 августа 1655 г., а в поход вышел 18 июля 1656 г.).

В мае 1657 г. дощаники Пашкова двинулись к Байкалу. В отписке, отправленной с дороги, воевода помянул недобрый словом тех казаков, кто самовольно бежал на Амур. Среди них оказался и Бекетов: «В прошлом во 162 году с великия реки Шилки, с Иргеня озера, покиня ваши государевы остроги, енисейской сын боярской Петрушка Бекетов с ... служилыми людьми с 70 человек, збежали в Даурскую ж землю...»⁴⁷. Воевода предлагал семь таких «изменников» заключать в тюрьмы, а самих «воров», если они объявятся в сибирских городах, предавать смертной казни. Так Бекетов, с легкой руки Пашкова, оказался в одном ряду с М. Сорокиным и Ф. Полетаем, предводителями казацкой вольницы. Очевидно, эта оценка является неверной.

До озера Иргень экспедиция Пашкова добралась только осенью 1657 г. Здесь Пашков «в самом угрожем месте у больших рыбных ловель» поставил новый Иргенский острог – с жилыми избами и надолбами вокруг него. Оставив в остроге 20 служилых, воевода в конце зимы переправился за волок на Ингоду. Весной 1658 г. берега Ингоды огласились стуком топоров. По приказу Пашкова казаки рубили лес сразу на 2 острога, которые предстояло поставить возле устья Нерчи и в Даурии. На последний срубили 8 башен и 200 сажень городского леса на стены. Для Верхнешилского острога (так сначала назывался будущий Нерчинский острог) были полностью заготовлены 4 башни и стены. Весь острожный лес был связан в 170 пловов. Путь по Ингоде до Нерчи занял 3 недели; на каждом плоту находилось всего по 2–3 человека, поэтому плоты часто разбивало. В начале лета Верхнешилский острог был поставлен. Только теперь на собственном опыте Пашков убедился, что удержать забайкальских тунгусов в русском подданстве малыми силами невозможно. В очередной отписке в Москву он выдвинул идею о поселении в Иргенском и Верхнешилском острогах 300 служилых людей. По его словам, к «немирным иноземцам» он обращался с «лаской и приветом». С другой стороны, Пашков провел карательную акцию в отношении тех, кто сжег первые русские острожки в этих краях. Несколько тунгусов в присутствии своих соплеменников были повешены в Верхнешилском остроге.

На Амур, однако, «даурский» воевода так и не попал. 18 июня 1658 г. он послал 30 казаков во главе с сыном Еремеем выяснить, где на Амуре можно поставить острог. Вернувшись 13 июля, младший Пашков доложил, что, по его мнению, острог можно возвести на Албазинском городище. Одновременно с Еремеем на поиски амурского войска Степанова на легких стругах отправился пятидесятник А. Потапов с небольшим отрядом. Именно он и принес 18 августа печальную весть о поражении («богдойском погроме»), которые потерпели амурские казаки от маньчжуров⁴⁸. Пашков напрасно ожидал, что остатки войска Степанова придут на соединение с ним. Его самодурство и жесткое обращение с казаками (что красочно описал протопоп Аввакум) служили достаточным препятствием для поступления под его начало. Когда Пашков пересекал Байкал, с ним шло около 500 служилых людей (и 70 человек его дворни). Новый приказной в забайкальских острогах Л. Толбузин в мае 1662 г. принял у Пашкова 75 человек⁴⁹. Голод, болезни, смерть от тунгусских стрел – все это привело к гибели большей части отряда Пашкова. Государев воевода покинул Забайкалье, оставив 3 острога (Иргенский, Нерчинский, Телембинский) и несколько сот погибших и неизвестно куда исчезнувших служилых людей. Любопытную оценку итогов экспедиции Пашкова дали казаки енисейского гарнизона, подавшие в июле 1665 г. коллективную челобитную. В ней они напоминали, что именно енисейцы разведали пути в Забайкалье, а Петр Бекетов и Никифор Кольцов поставили Иргенский и Шилкский остроги; они же начали приводить местных тунгусов в ясачное состояние. По мнению енисейцев, Пашков, «не дошед до Даурской земли, остановился на великой реке Шилке и на Иргене озере и остроги поставил новые в тех же местех, в которых местех мы, холопи твои, преж ево, Офонася, остроги поставили». Таким образом, Пашков «отнял ту службу от Енисейского острога» и обманывал Москву, именуя район своих действий «новой Даурской землей и китайской границей»⁵⁰.

Все известные материалы о забайкальском походе Пашкова позволяют утверждать, что Бекетов к этой экспедиции не присоединился. Таким образом, находившийся с Пашковым Аввакум лично с Бекетовым в Сибири не встречался, но наверняка не раз слышал его имя. Остается загадкой, почему много лет спустя память многострадального протопопа зачислила Бекетова в ряды его противников. Где же завершился жизненный путь землепроходца? Как уже говорилось, последние достоверные сведения о Бекетове относятся к апрелю 1655 г. И.Э. Фишер, чей труд является сокращением и переложением до сих пор не опубликованной полностью «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, утверждал: «В 1660 г., возвратясь он (Бекетов – *Е.В.*) через Якутск и Илимск назад в Енисейск, привез с собою не мало соболей, которые ему служили защитою к отвращению наказания, коего за оставление острога опасался»⁵¹. Никакими источниками это мнение пока не подтверждено. Л.А. Гольденберг мимоходом заметил, что на знаменитом Тырском утесе в низовьях Амура зимой 1655–1656 гг. побывали казаки Бекетова и Степанова, обнаружив там развалины старинного храма⁵². К сожалению, на источник своих сведений исследователь не указал.

Мне представляется, что с Амура Бекетов уже не вернулся. В 1655–1658 гг. О. Степанов со своим войском буквально кочевал по Амуру. Казаки зимовали в наспех поставленных острогах и собирали ясак с разноэтничных племен, сильно страдавших от военных действий между русскими и маньчжурами. Угроза голода и маньчжурская опасность постоянно нависали над войском Степанова. Амурские народы, обозленные жестокостью Е.П. Хабарова, безжалостно истребляли небольшие отряды казаков, рискуя действовать на свой страх. В июле 1656 г. Степанов докладывал в Якутск: «И ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем... А сойти с великия реки Амура без государева указа не смеем никуда, а богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против них... стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько»⁵³. Приближался трагичный финал эпопеи амурских казаков, среди которых, вероятно, продолжал оставаться Бекетов.

Историки несколько по-разному излагают детали разгрома войска Степанова и ближайших последовавших за этим событий, что обусловлено разноречиями в показаниях А.Ф. Петриловского с товарищами, данных в октябре 1659 г. в Енисейске и сентябре 1660 г. в Москве. Учитывая восстановленный мною полный текст опроса Петриловского в Сибирском приказе, эта события можно реконструировать следующим образом⁵⁴. В июне 1658 г. казаки Степанова поднимались вверх по Амуру от устья Сунгари. Получив от дочерев сведения, что на него надвигается флотилия маньчжуров, Степанов выслал на легких стругах разведочный отряд (180 человек) во главе с Климом Ивановым. Последний разошелся с судами противника на островах. Атака 47 кораблей маньчжуров на неповоротливые дощаники Степанова, не ожидавшего нападения, была сокрушительной. До абордажного боя, в котором казаки еще могли бы сохранить шанс на победу, дело не дошло. Расстреливаемые из пушек, служилые люди пытались добраться до берега, но тонули вместе с дощаниками. Вместе с Онуфрием Степановым погибли 270 казаков⁵⁵. Артемий Петриловский (племянник Ерофея Хабарова) и еще 45 человек, многие из которых были ранены, ушли в приамурские сопки. От преследования удалось уйти дощанику, на котором находилась Спасская походная церковь и 40 казаков. Вернувшийся отряд К. Иванова наткнулся на суда победителей, перегородившие всю реку. Развернув струги, казаки пошли вверх по Амуру и через 3 дня встретили посланного от Пашкова А. Потапова. Очевидно, амурские служилые вовсе не горели желанием оказаться в «полку» Пашкова, как это было приказано им через Потапова. Отряд разделился: 37 человек отправились к Пашкову, а остальные снова поплыли в низовья Амура. Во время похода Иванов погиб при столкновении с дочерами, зато к отряду присоединились Петриловский и его казаки. Проведя зиму в остроге, построенном в землях гиляков и жучар, остаток войска Степанова снова двинулся вверх по Амуру, якобы на соединение с Пашковым. По пути Петриловский встретил тех 40 казаков, которые ушли от «погрома» на Спасском дощанике. Отряд счастливо разминувшись с кораблями маньчжуров, стремившихся окончательно разгромить рус-

ских на Амуре. В Кумарском остроге отряд разделился: 120 казаков отправились на реку Зею «кормиться», а 107 человек во главе с Петриловским поплыли навстречу Пашкову, но затем передумали и через Тугирский волок ушли на Олекму и далее в Илимск. Местный воевода отправил выборного атамана Петриловского и 5 рядовых казаков с амурской ясачной казной в Москву. Уже 3 октября 1659 г. станция приехала в Енисейск, где служилых внимательно расспросил воевода И.И. Ржевский.

Следует обратить внимание на тот факт, что среди 5 казаков, сопровождавших Петриловского, был Иван Герасимов Чебычаков. Напомним, что десятник Чебычаков с 1652 по 1655 г. неизменно находился под началом Петра Ивановича. Его возвращение в Енисейск без Бекетова означало, видимо, что командира уже не было в живых. Может быть, удача изменила старому землепроходцу в тот памятный день 30 июня 1658 г. Как встретил свой смертный час енисейский сын боярский П.И. Бекетов мы, скорее всего, уже никогда не узнаем...

Верно то, что в 1660-е гг. Бекетов, вопреки мнению И.Э. Фишера, уже не числился среди енисейских служилых людей. Например, упомянутую челобитную 1665 г. подписали дети боярские И. Галкин, И. Максимов, Я. Похабов, Н. Кольцов и другие; Бекетов среди них отсутствует. В переписной книге Енисейского уезда 1669 г. среди продавцов земли названа вдова сына боярского Петра Бекетова⁵⁶. Возможно, после гибели мужа она уехала обратно за Урал, почему мы и не находим потомков Петра Ивановича в служилой среде Енисейска.

Фольклорный образ Бекетова – первопроходца, «человека с доброй душой» и небывало удачливого охотника – столетиями сохранялся в исторических преданиях русских старожилов Забайкалья. Сказитель Ф.Е. Горбунов (1875–1948) передал такое поверье: «Раньше уж как-то в охотничьих семьях заведено было: родится первый сын, значит, обязательно Петром нарекут. Пусть, дескать, таким же фартовым будет, как тот казак Бекетов»⁵⁷.

Примечания

¹ Изгачев В.Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов // Ученые записки Читинского педагогического института. 1959. Вып. 4. С. 79–100.

² См.: Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; е е же. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999; Тураев В.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск, 1990.

³ Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 69; Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 39.

⁴ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 134–140; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 556, л. 44–45.

⁵ Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900. С. 66.

⁶ Никольский В.К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки Института истории (РАНИИОН). М., 1927. Т. 2. С. 147–149.

⁷ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 27–29.

⁸ Магидович В.И., Резун Д.Я. Бекетов Петр Иванович // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 1: А–Д. М., 1994. С. 188.

⁹ Никольский В.К. Указ. соч. С. 160–161. Об этом же свидетельствует отписка тобольского воеводы Хилкова якутскому М.С. Ладыженскому, которую последний получил 11 июня 1656 г. (См.: РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 1118, л. 1–2.).

¹⁰ Житие протопопа Аввакума. С. 363, 317–318.

¹¹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 508, л. 269.

¹² Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1986. С. 338–339.

¹³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сб. док. М., 1951. С. 95.

¹⁴ РГАДА, ф. 199, оп. 3, № 150, ч. 9, д. 1, л. 1–10.

¹⁵ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. С. 119–120, 448.

¹⁶ Сборник документов по истории Бурятии: XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 175, 177.

¹⁷ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 88–93.

- ¹⁸ Сборник документов по истории Бурятии. С. 23–24; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 81; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 56.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 210, 500–501; Сборник документов по истории Бурятии. С. 26; Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского. СПб., 1999. С. 190.
- ²⁰ Манькова И.Л. Экспедиция Я. Хрипунова 1627–1630 гг.: первый опыт геологоразведок в Восточной Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 151–154.
- ²¹ Открытия русских землепроходцев. С. 93–94; Сборник документов по истории Бурятии. С. 22–23; 26–27; Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 194–195, 198.
- ²² РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 452–453. Как показал Н.И. Никитин, между стрельцами и казаками пешей службы в сибирских гарнизонах никакой разницы по существу не было (Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 34–37; его же. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 46–47). Поэтому, говоря о енисейских «казаках», которые какое-то время формально назывались стрельцами, мы не делаем никакой ошибки. Ложное противопоставление стрельцов и казаков в Сибири иногда присутствует в работах исследователей (См.: Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 200–201).
- ²³ Сборник документов по истории Бурятии. С. 27; Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. III. М., 1970. С. 1072–1077; Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 214–215; 221; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 24.
- ²⁴ Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. I. М., 1970. С. 5–14; Ч. III. С. 1072–1096; Открытия русских землепроходцев. С. 94.
- ²⁵ Сборник документов по истории Бурятии. С. 181; Открытия русских землепроходцев. С. 95.
- ²⁶ Бродников А.А. Алданские события 1639 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 48; его же. Теткин просчет: Как казаки за ясаком ходили // Родина. 2000. № 5. С. 86.
- ²⁷ Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. III. С. 791–802. В связи со второй службой Бекетова в Якутии хочу внести уточнение, имеющее отношение к биографии С.И. Дежнева. В литературе утвердилось мнение, что Дежнев прибыл в Якутию из Енисейска в составе отряда Бекетова не позднее зимы 1637/38 г. (Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 41; Бродников А.А. Дежнев Семен Иванович // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 2: Д–К. М., 1996. С. 5). Это мнение основано на том факте, что в 1639 г. П. Ходырев, прибывший на смену Бекетову, принял у него в Ленском остроге отряд в 30 казаков, среди которых был и Семен Дежнев (Открытия русских землепроходцев. С. 502). Представляется, что Дежнев появился в Якутии не с отрядом Бекетова, который определенно указал на свою посылку туда в 7146 г. (т.е. не ранее 1 сентября 1637 г.). На годовые службы из Енисейска, тем более на Лену через Илимский волок, отправлялись весной. В таком случае непонятно, как 23 марта 1638 г. Семейка Иванов (в котором историки видят Дежнева) мог нести службу уже на Индигирке. Или последний не был Дежневым, или будущий знаменитый мореход прибыл в Якутию не с Бекетовым, а, например, с его предшественником Галкиным. Факт же нахождения Дежнева в 1639 г. в Ленском остроге под командой Бекетова не вызывает сомнений.
- ²⁸ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 339, л. 204–205; Открытия русских землепроходцев. С. 93–95.
- ²⁹ В 1631 г. Богдан Болкошин был головой у служилых татар Томска (Бояршинов А.З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112. С. 108).
- ³⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 339, л. 215–216, 221, 224.
- ³¹ Резун Д.Я. Указ. соч. С. 29; Александров В.А. Указ. соч. С. 191–192.
- ³² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 167–168, 223.
- ³³ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 289, л. 54.
- ³⁴ Сборник документов по истории Бурятии. С. 175–186; Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. док. М., 1974. С. 364–365.
- ³⁵ При описании похода Бекетова за Байкал использованы источники: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 446, л. 47–56; Сборник документов по истории Бурятии. С. 190–197, 203–208; Дополнения к Актам историческим (далее: ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. С. 343–345.
- ³⁶ Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1984. С. 135.
- ³⁷ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 74–76; Сборник документов по истории Бурятии. С. 192.
- ³⁸ Крадин Н.П., Тимофеева Н.Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 172–173.
- ³⁹ Байкальские легенды и предания. С. 132.
- ⁴⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 556, л. 44–45.